

Переговоры в скрытых конфликтах ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ «ПРАВДОПОДОБНОГО ОБМАНА»

Аналитическая записка № 427
ПОНАРС Евразия
Апрель 2016 года

Михаил Троицкий¹
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)

В отличие от прежних конфликтов между Россией и Западом, кризис вокруг Украины примечателен широким использованием скрытых, «невидимых» действий. Стороны конфликта оспаривали не только интерпретации фактов друг другом, но и сами факты. Это новый и потенциально опасный феномен, особенно для отношений между крупными державами. С рациональной точки зрения, проводить масштабные секретные операции и отрицать свое участие в них имеет смысл для быстрого получения преимуществ в конфликте, либо в качестве ответа на аналогичную тактику, уже использованную оппонентом. Однако риск того, что правдоподобное отрицание может приводить к серьезным непредсказуемым последствиям, обычно недооценивается.

Факты и домыслы

В годы биполярной конфронтации и в ходе последующих конфликтов Вашингтон и Москва часто расходились во мнениях по поводу значения и интерпретации событий. Обе стороны неоднократно пытались ввести друг друга в заблуждение относительно своих намерений и маскировать свою готовность на уступки на переговорах. Тем не менее несогласие по поводу конкретных фактов было редким даже во времена жесткого блокового противостояния.

Карибский кризис дает возможность оценить эту проблему в контексте холодной войны. В 1962 году СССР начал скрытно разворачивать баллистические ракет средней дальности на Кубе. Однако как только американское правительство показало министру иностранных дел СССР Андрею Громыко аэрофотоснимки пусковых площадок, Москва признала факт их сооружения (в случае открытого размещения ракет Советский Союз, возможно, получил бы эффективный инструмент давления на США во время первоначальной фазы конфликта – стадии низкой эскалации).

¹ [Троицкий Михаил Алексеевич](#) - доцент МГИМО (У) МИД России. Настоящий текст является переводом с английского аналитической записки: Mikhail Troitskiy, Negotiation in a Stealth Conflict: The Pros and Cons of Plausible Deniability, PONARS Eurasia Policy Memo 427, April 2016. (Перевод В. Смирновой.) Все мнения и оценки в настоящей записке являются личной точкой зрения автора, а не официальной позицией какой-либо организации.

Приняв в 2002 году решение вторгнуться в Ирак для свержения режима Саддама Хусейна, Вашингтон также не пытался скрывать своих намерений. Администрация Дж. Буша-младшего открыто обсуждала ситуацию с потенциальными союзниками и в конечном итоге начала операцию несмотря на возражения некоторых крупных держав, включая Россию.

В последние же месяцы Москва неоднократно опровергала утверждения о прямом российском участии в конфликте на Украине. В марте 2014 года на пресс-конференции с российскими и зарубежными СМИ президент России Владимир Путин заявил, что предполагаемые российские военнослужащие, которых видели в Крыму в конце февраля 2014-го, были членами местных сил «самообороны», купившими обмундирование «в военторге». В более позднем интервью Путин, однако, признал, что эти лица на самом деле служили в российских вооруженных силах. Несколько месяцев спустя, в мае 2015 года, Москва отказалась признавать офицерами российской армии двух пленных, захваченных украинскими силами в Донбассе, несмотря на их собственные показания. Если бы подобные методы применялись во времена холодной войны, Громыко назвал бы фотографии пусковых ракетных установок на Кубе фальшивыми или подделанными для дискредитации СССР.

Международное измерение политического обмана

Исследователи утверждают, что ложь в ходе переговоров относительно ключевых планов и намерений лидеров не может быть эффективной. Уровень доверия между лидерами государств всегда низок. В своей книге «Почему лидеры лгут: правда о лжи в международной политике» (2011) Джон Миршаймер указывал, что даже если высокопоставленные государственные деятели хотели бы обмануть своих зарубежных коллег, их шансы на успех были бы незначительны, поскольку лидеры государств не ожидают от противоположной стороны искренности в вопросах национальной безопасности.

Миршаймер делает, однако, важную оговорку, указывая, что в международных отношениях обманывают обычно потенциальных и реальных противников, рассчитывать на доверие которых в любом случае не имеет смысла. Ситуация может быть иной во взаимодействии с тем, кто не считается врагом, даже если в отношениях между соответствующими государствами присутствует определенное соперничество. Конечно, лидеры государств не могут регулярно задавать друг другу трудные вопросы, ответ на которые требовал бы раскрытия секретной информации. Никто, например, не ожидает, что государства согласятся посвятить кого бы то ни было в детали своего оперативного планирования или технические характеристики военного оборудования. Но в острых ситуациях и случаях, когда значимость проблемы действительно высока, готовность «раскрыть карты», особенно по вопросам стратегических намерений, ожидается от любого субъекта, за исключением противника. В частности, лидеры государств ожидают от коллег из дружественных или нейтральных стран честных ответов в ситуациях, когда ставки особенно высоки, а обман может привести к неожиданным и непредсказуемым последствиям.

Недостатки правдоподобного обмана

В случае с российским вмешательством в ситуацию на Украине использование Москвой закулисной тактики оказалось более пагубным, чем ожидалось. Начиная с апреля 2014 года, обращенные к лидерам основных участников НАТО многократные заверения Москвы в том,

что Россия не участвует в вооруженных боестолкновениях между украинскими властями и донбасскими сепаратистами, существенно подорвали доверие Запада к официальным российским заявлениям. В итоге пространство для предметного обсуждения путей выхода из текущего кризиса существенно сузилось. Это, в свою очередь, привело к наращиванию пропагандистской борьбы, которая сильно отравила атмосферу в отношениях между Россией и Западом и между Россией и Украиной, затруднив налаживание этих отношений в ближайшей перспективе.

Российская игра на Украине также привела к росту неопределенности относительно конечных намерений Москвы по отношению к Украине и целей российской внешней политики в более широком смысле. В странах НАТО это вызвало серьезные опасения, что Запад может упускать из виду другие недружественные шаги со стороны России. До событий в Крыму и на Донбассе 2014-15 доминирующее представление в ЕС и НАТО о целях России состояло в том, что Москва стремится лишь не допустить вступление бывших советских республик (за исключением прибалтийских государств) в НАТО, а также проведения этими государствами откровенно антироссийского курса во внутренней и внешней политике. Исходя из этих допущений, представлялось бы вполне возможным соглашение между Россией, Украиной и Западом, которое удовлетворяло бы некоторые российские требования по Украине - такие как многосторонние гарантии защиты русскоязычных в восточной Украине или даже участие России в возможных будущих переговорах по присоединению Украины к ЕС или НАТО.

Однако когда в начале 2015 года донбасские сепаратисты предприняли новое наступление, многие западные лидеры и дипломаты заподозрили, что цели Москвы могут выходить за рамки влияния на ситуацию в восточной Украине и мягкое ограничение пространства внешнеполитического маневра Киева. Появились теории, приписывающие России далеко идущие мотивы: от дестабилизации и балканизации всей Украины, до дискредитации гарантий коллективной обороны внутри НАТО. Если верить подобным теориям, на кону для Запада стоит нечто более важное, чем судьба Украины. В ситуации, когда Россия не может или не хочет убедить Запад в том, что у нее нет выходящих за пределы Украины наступательных намерений, Москве стали отказывать в компромиссах, затрагивающих только Украину. Последующие заверения президента Путина, согласно которым Россия не вынашивает экспансионистских планов, уже не вызвали прежнего доверия.

Конечно, открытая военная кампания России на Украине, которую предлагали начать некоторые влиятельные политические деятели в Москве, наверняка была бы сопряжена для России с еще большими издержками. Помимо риска прямого столкновения с НАТО, Москва столкнулась бы с более жесткими санкциями, возможно, включая отказ Запада от покупки российской нефти.

Скрытые операции России, однако, тоже привели к негативным последствиям. Даже если цели Москвы ограничивались реинтеграцией восточных регионов Донбасса в Украину в их нынешнем децентрализованном и пророссийском состоянии, сейчас Кремлю приходится противодействовать тем мерам, которые НАТО приняло в ответ на рост неопределенности в отношении российских намерений. В итоге Москва, вне зависимости от ее реальных целей, оказалась в стратегически менее благоприятном положении, чем то, в котором она находилась до конца 2013 года.

Рациональность обмана

Учитывая высокую цену «украинского гамбита» для России, было ли ошибкой решение Кремля прибегнуть к правдоподобному обману? Другими словами, перевешивают ли серьезные недостатки закулисной тактики ее ограниченные достоинства, или, наоборот, ее недостатки незначительны по сравнению с преимуществами?

Как [сообщали СМИ](#) и подтверждали [эксперты в области безопасности](#), Россия потратила несколько лет на разработку нового подхода к международным конфликтам. Так называемая доктрина Герасимова, названная в честь начальника Генерального штаба Вооруженных сил России Валерия Герасимова, основана на представлении о преимуществе тайных военных и полувоенных акций, сопровождающихся «информационным сдерживанием», а также рядом иных мер, включающих, но не ограничивающихся распространением информации и дезинформации для получения преимуществ над оппонентом.

Ключевой принцип «доктрины Герасимова» состоит в том, что следует избегать перехода противоборства в открытую форму. Не надо приводить оппонента в состояние мобилизации четкой декларацией враждебных намерений; напротив, следует максимально долго не давать оппоненту понять, что против него ведутся целенаправленные действия. В такого рода, на первый взгляд, стабильной ситуации ожидания искренности соперника будут естественными и позволят получать преимущество, дезориентируя его по важнейшим вопросам, представляющим взаимный интерес. Если и когда оппонент обнаружит, что атакован, его следует убедить в том, что он столкнется с неприемлемым уровнем потерь, если пойдет на эскалацию.

При каких условиях государство будет считать тактику «правдоподобного обмана» более эффективной по сравнению с подходами, ориентированными на простую военную эскалацию? Анализ этих условий позволит не только оценить эффективность «правдоподобного обмана», но и понять общие взгляды Москвы на международную политику и места в ней России. Исходя из каких соображений Москва сделала выбор в пользу правдоподобного обмана вместо прямой конфронтации с Украиной и поддерживающими ее странами Запада.

Во-первых, правдоподобный обман может казаться привлекательной тактикой государству, воспринимающему себя более уязвимым по сравнению с оппонентом и поэтому стремящимся избежать с этим оппонентом открытого конфликта. Такое государство может ожидать, что подобная тактика породит меньшее сопротивление. К примеру, Москва, возможно, пришла к заключению о том, что жесткие возражения Запада против российской военной операции в Грузии в августе 2008 года были связаны с открытыми боевыми действиями и вводом российских войск на грузинскую территорию за пределами Южной Осетии и Абхазии. Этот опыт был определенно учтен в Крыму и на Донбассе, где Россия, понимая свою уязвимость перед лицом возможной резкой реакции Запада, решила сделать все от нее зависящее для того, чтобы конфронтация не перешла в открытое русло.

Во-вторых, сторона, прибегающая к «правдоподобному обману», скорее всего полагает, что ее соперник уже начал скрытое наступление, которое необходимо парировать, чтобы избежать стратегического поражения. Москва не верила заверениям Вашингтона относительно роли США в переговорах по соглашению об ассоциации между ЕС и Украиной, которое было негативно воспринято Россией и способствовало началу внутривосточного кризиса на Украине в ноябре 2013 года. Подход США заключался в том, чтобы не обсуждать Украину с Россией и не допускать подобных дискуссий между Россией и ЕС, несмотря на высокую

значимость для Москвы внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации Киева. Кремль также (довольно неубедительно) обвинял США и их союзников в секретной подготовке и снабжении вооруженных активистов, возглавивших протесты против украинского президента Виктора Януковича в конце 2013 – начале 2014 года. Подобные обвинения определенно сыграли роль в оправдании тактики Москвы в Крыму и на Донбассе.

Москва была склонна полагать, что США уже на протяжении длительного времени использовали «правдоподобный обман» для скрытой борьбы с Россией. Российские власти многократно заявляли о «тайной подрывной активности» со стороны американских неправительственных организаций и благотворителей, действовавших в России. Москва также указывала на откровения бывшего сотрудника американского Агентства по национальной безопасности Эдварда Сноудена о тайной кибервойне, которую США якобы уже давно ведут против России, и на предполагаемые попытки Вашингтона вводить Москву в заблуждение относительно «истинного назначения» американских систем противоракетной обороны. Почти наверняка Кремль рассматривал все эти обстоятельства как оправдание для использования «правдоподобного обмана» на Украине. И в самом деле, как утверждает Миршаймер, «тактика обмана легко дается лидерам, думающим, что они живут в мире Гоббса, в условиях войны всех против всех».

В-третьих, «правдоподобный обман» особенно эффективен, если дает преимущество первого удара. Если в результате введения ничего не подозревающего соперника в заблуждение вы сможете быстро менять обстановку в свою пользу и затем эффективно защищать достигнутые результаты, то соблазн прибегнуть к «правдоподобному обману» усиливается. В этом случае преимущество первого удара зависит от того, насколько быстро соперник обнаруживает обман. Чем выше доверчивость обманутой стороны, тем больше выгода от нанесения первого удара. Накануне начала конфликта на Украине российско-американские отношения еще только входили в «зону легкой турбулентности» после нескольких лет активного сотрудничества в рамках «перезагрузки». Москва имела основания полагать, что Вашингтон в тот момент все еще доверял Кремлю в достаточной степени, чтобы не сомневаться в российской версии происходящего на протяжении времени, необходимого для завершения скрытой миссии.

Наконец, тактика «правдоподобного обмана» не сопряжена с долговременными издержками, если ситуация, в которой ее задействуют, скорее всего не возникнет вновь в будущем – например, потому, что оппонент будет раз и навсегда нейтрализован или отношения с ним потеряют прежнее значение. Готовность применять тактику «правдоподобного обмана» может порождаться ожиданием грядущего ослабления оппонента. Многие ведущие российские политики и эксперты утверждали (по крайней мере до конца 2014 года), что Россия находится на подъеме, усиливая свое международное влияние посредством союза с Китаем, в то время как американская мощь вступает в фазу необратимого упадка, которому будет содействовать демонстрация неспособности США достичь поставленных целей на Украине.

Заключение

Проведенный в настоящей работе краткий анализ издержек «правдоподобного обмана» и тех условий, при которых эта тактика может оказаться эффективной, показывает, что, с точки зрения Кремля, подобная тактика может выглядеть рациональной. Можно также предположить, что представление о ведущейся против России тайной широкомасштабной геополитической игре является не столько инструментом внутренней мобилизации, сколько отражением

реального восприятия международных дел кремлевскими политиками, готовыми наносить ответные удары с использованием рискованной тактики «правдоподобного обмана». Для изменения этих убеждений потребуется восстановить по крайней мере базовый уровень доверия между российскими лидерами и их предполагаемыми зарубежными антагонистами. Такое восстановление, однако, не станет возможным, пока каждая из сторон считает, что соперник целенаправленно вводит ее в заблуждение относительно своих истинных целей и средств политики. В итоге тот, кто убежден, что важнейшие тренды мировой политики могут разворачиваться только «за кулисами» и что все ключевые наблюдаемые явления вызваны не видимыми глазу «подводными течениями», с большой вероятностью окажется обречен на порочный круг конфронтации.

**Elliott School of
International Affairs**
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org